

С наступлением сумерек подул холодный осенний ветер. Экзорцисты взволнованно следовали за Ли Цзинлуном, направляясь в бордель по указу императора.

- Будьте сдержаны, - приказал Ли Цзинлун.

- Ах, да! Капитан Ли! Нет, адъютант Ли!..

«Иволга весеннего рассвета» был самым крупным и роскошным увеселительным заведением и борделем в Чанъане, он смотрел свысока даже на «Иши лань». Это место переполняли вишнево-красный и ивово-зеленый цвета, оно дышало самодовольством и самоуверенностью.

- Не... не подходи близко, - Ли Цзинлун почувствовал себя неуютно, когда почувствовал, что его потянули за одежду. Мужчина быстро притянул Хунцзюня к себе, заблокировав его.

Хунцзюнь, придя сюда на этот раз официально, был шокирован, поэтому быстро спрятался за спиной Ли Цзинлуна.

- Ты же сам захотел в Пинкан, отчего же прячешься? - злорадно и немного громко спросил Ли Цзинлун. Хунцзюнь мигом залился румянцем, наконец-то он понял, что до этого испытал Ли Цзинлун.

- Ох! Это же тот иностранный господин! - заметил кто-то А-Тая, и толпа мигом окружила его. В Пинканли А-Тай уже успел стать знаменитым, и он был вполне счастлив попасть в этот край цветущих вишен и зеленых ив.

- Сегодня я не буду играть, лучше вас послушаю, - сказал А-Тай.

Собравшиеся девушки были невероятно разочарованы, когда немолодая хозяйка предложила пятерым экзорцистам самые роскошные и лучшие места во всем зале. Когда Ли Цзинлун вошел, песни и танцы еще не начались, а посетители смеялись и болтали без умолку, но стоило им увидеть проходящего мимо Ли Цзинлуна, как все тут же притихли.

Когда Ли Цзинлун подходил к «Иволге», он специально двинулся как можно ближе к большому пруду, где плескалось несколько рыбок кои. Он ловко тряхнул матерчатым мешком, отправляя Чжао Цзылуна в воду.

- Повеселись, - сказал Ли Цзинлун.

- Спасибо! - Чжао Цзылун высунул голову из воды, а после с самодовольством и самоуверенностью нырнул обратно в стаю рыб. Те испугались и разошлись во все четыре стороны, карп же обнял одну из кои. - Не уходи, красавица!

Вскоре после этого болтовня возобновилась. Горячей темой всеобщих разговоров, естественно, были события на экзамене, когда Ли Цзинлун поймал яо, весь город пришел в смятение. Молву невозможно было остановить, она распространялась со скоростью света, однако слухи все еще оставались слухами, и люди лишь высказывали собственные предположения о зашедших экзорцистах.

Слуга провел их в самую большую секцию в зале, после он установил ширмы и пригласил гостей сесть. Трое, Ли Цзинлун, Хунцзюнь и Мо Жигэнь, сидели слева, а двое, Цю Юнсы и А-Тай, – справа. После этого Ли Цзинлун попросил принести еще одну ширму поменьше, чтобы перекрыть А-Тая и Цю Юнсы с двух сторон. Он не хотел, чтобы дети усваивали плохие привычки тех, кто был завсегдатаем борделей.

Трое из экзорцистов сидели прямо перед сверкающим залом, который занимал почти половину му¹ и был довольно роскошно и богато украшен. Несмотря на то, что стояла складная ширма, до молодых мужчин доносились звуки женского смеха и разговоров. Когда Хунцзюнь снова поднял голову, он заметил, что три этажа «Иволги» находились друг над другом, над головой юноша даже увидел построенные деревянные помосты. На этих помостах висело множество ярких фонарей, все это было похоже на сказочный пейзаж.

¹ Половина му. Му (亩) это китайская мера площади, равна 1/15 гектара. Для понимания, 1 му это 6666666.7 квадратных сантиметров или 666,7 квадратных метров.

– Господа, кто же из наших красавиц привлек вас?

– Никто, – решительно отверг немолодую хозяйку Ли Цзинлуна.

– Тогда пускай они...

– В этом нет необходимости, – отрезал Ли Цзинлун.

– А вы, господа...

– Нет, – снова отверг хозяйку адъютант.

Хунцзюнь и Мо Жигэнь просто смотрели на происходящее, ничего не говоря.

– Зачем мы пришли сюда? – поинтересовался Хунцзюнь у Мо Жигэня.

Тот же со смехом в голосе ответил:

– Ты это у адъютанта спроси, я не знаю.

Ли Цзинлун же ел виноград на столе.

- Послушать музыку, посмотреть на танцы, потратить немного денег, а после вернемся в Отдел экзорцизма и отправимся спать.

- А скоро танцевать будут? – спросил Хунцзюнь.

- Да, также будут играть на цине, – ответил Ли Цзинлун. – Мо Жигэнь, если хочешь развлекаться с девицами, сядь с другой стороны ширмы.

- Я вам уже говорил, что берегу себя, – улыбнулся Мо Жигэнь. – Сегодня я здесь для того, чтобы послушать цинь и музыку.

- Бережешь себя? – озадачился Ли Цзинлун.

Мо Жигэнь, задумавшись, кивнул, и Ли Цзинлун больше не стал утруждать себя расспросами. Мо Жигэнь же решил продолжить:

- Адъютант ведь не позволит Хунцзюню...

- Ему это и не нужно, – Ли Цзинлун безжалостно оборвал предложение Мо Жигэня, а после посмотрел на Хунцзюня. – Верно?

Хунцзюнь подумал о том, что Ли Цзинлун рассказал ему той ночью. Сначала это его немного позабавило, однако теперь, когда на него вылили ведро ледяной воды, он не смог удержаться от маленькой мести.

- Вообще-то, я бы не отказался... – сказал юноша.

- Тогда садись за ширму, – Ли Цзинлун указал на Цю Юнсы и А-Тая. – Эта сторона предназначена для праведных людей. Хочешь остаться с нами или пересечь к ним?

Хунцзюнь задумался, ему оставалось только принять поражение, сказав:

- Я останусь.

- Подумай об этом хорошенько, – сказал Ли Цзинлун, – у тебя больше не будет шанса пересечь. Через некоторое время мы будем есть вишневые било².

² По конструкции своей напоминают завернутые блинчики и пирожные. Что интересно, происхождение у блюда персидское.

– Что? Что есть? Что это такое? Я не собираюсь пересаживаться, так что... можно мне немного вина?

Выпить вина было вполне нормально, и Ли Цзинлун с радостью заказал немного еды и вина, а после послал слугу в лавку, которую недавно по соседству открыл генерал Хан, купить вишневых било. Хунцзюнь было также легко угодить как и всегда: из двух удовольствий – еды и похоти – он не заботился о втором, легко удовлетворяясь первым, к тому же, вся эта еда, о которой говорил Ли Цзинлун, звучала очень вкусно.

– Но, господа, когда начнутся песни и танцы, должен быть кто-то, кто позаботится о вас и нальет вина, – немолодая хозяйка снова подошла. – Как насчет того, чтобы мы отыскиали для вас кого-то, кто просто будет сидеть в углу?

Ли Цзинлун собирался отказаться, но Хунцзюнь вдруг кое-что вспомнил и спросил у хозяйки:

– Вы знаете Сан-эр?

– Да, знаю, – тут же ответила женщина, после она повернулась к кому-то и приказала побыстрее привести ее, Ли Цзинлуну оставалось лишь не препятствовать происходящему.

– Я не собираюсь ничего³ делать, – сказал Хунцзюнь.

³ Ничего (кит. 什么都不做) – пустить в ход руки и ноги (обр. в знач.: а) шутить, баловаться: б) распускать руки, лапать, заигрывать с женщинами).

– Похоже, ты все прекрасно понимаешь, – улыбнулся Мо Жигэнь.

В мгновение ока Сан-эр поспешила к хозяйке, и Хунцзюнь поприветствовал ее. По сути, Сан-эр стала его первым «другом», когда он только прибыл в Чанъань. Увидев ее снова, он был очень счастлив. Сан-эр была лишь одной из многочисленных неприметных девушек для сопровождения в «Иволге весеннего рассвета», она совсем не ожидала, что клиент позовет конкретно ее, еще и покровитель высокого уровня. Так что Сан-эр также была невероятно довольна.

Когда они оба друг друга увидели, тут же заулыбались. Сан-эр посмотрела на Ли Цзинлуна, а после перевела взгляд на Хунцзюня, Ли Цзинлуна охватило подозрение: как именно Хунцзюнь

связан с этой Сан-эр?

– Ох, это капитан Ли! – внезапно заговорила девушка. – Вы вместе! Когда же вы с ним сблизились?

Ли Цзинлун в данный момент пил воду, услышав слова Сан-эр, он все выплюнул. Мо Жигэнь засмеялся так сильно, что повалился боком на стол.

– Мы вместе уже очень долго! – улыбнулся Хунцзюнь. – Сан-эр, как насчет того, чтобы ты была с нами и подливала нам вина? Я заплачу тебе!

Сан-эр ухмыльнулась, опустилась на колени на сиденье и, подняв кувшин, налила вина. Внутри кувшина плескалось превосходное «Ланьлин Дацуй», которое варили до янтарного цвета. Когда вино наливали в чашу, аромат его разносился по воздуху, идеально соответствуя словам «Изысканное вино «Ланьлин» похоже на тюльпан, в нефритовой чаше оно похоже на янтарь». Это было лучшее вино в заведении.

– Не пей слишком много, – сказал Ли Цзинлун Хунцзюню. – Это крепкое вино.

Мо Жигэнь, съев немного сухофруктов, весело заметил:

– Это разве не уксус⁴?

⁴ Напоминаем просто, что в Китае пить уксус = ревновать.

– Да разве такое может быть?! – воскликнула Сан-эр. – Это лучшее вино, что у нас есть!

Мо Жигэнь потер нос и сказал:

– Но почему же я чувствую, что вокруг нас пахнет чем-то кислым?

Ли Цзинлун решил проигнорировать слова Мо Жигэня.

Сан-эр поняла суть слов Мо Жигэня и тоже начала улыбаться.

– Господин, если вы немного подвинетесь...

– Мо Жигэнь, ты... – процедил Ли Цзинлун.

Сан-эр продолжила подталкивать Хунцзюня к Ли Цзинлуну, а после подвинула свое сиденье и

села рядом с Мо Жигэнем. Он улыбнулся.

– Вот теперь другое дело.

Хунцзюнь пришел в замешательство.

Они сместились так, что Хунцзюнь оказался совсем рядом с Ли Цзинлуном, ему приходилось наклоняться, чтобы поговорить с Сан-эр. Спинай он опирался на Ли Цзинлуна, он позволил юноше это сделать и ничего не сказал. Вскоре после этого принесли вишневые било, которые они купили, и все тут же радостно воскликнули.

Вишневые било были сделаны из консервированной вишни в качестве начинки. В яичную лепешку также могли добавлять жареную вырезку ягненка, свежий сыр, тонкие ломтики бамии, овощи и другие начинки. Все это готовилось на пару до полной готовности, а затем посыпали нарезанными листьями мяты. Это было восхитительное блюдо: сладкое, пикантное и вкусное. А во рту не было никакой приторности.

– Что это за вкуснятина? – Цю Юнсы высунул голову из-за ширмы. То, что он увидел было поистине великолепно. – От генерала Хана, да?

– Это только для нашего стола, – холодно ответил Ли Цзинлун. – Если хочешь, можешь пойти и купить себе сам.

Ли Цзинлун купил четыре порции, но он не ожидал, что Сан-эр также присоединится к ним, ему пришлось отдать последнюю порцию ей. Когда же Хунцзюнь съел свою, он спросил:

– А есть еще? Давайте возьмем еще.

Ли Цзинлун передал юноше свою порцию, чтобы он съел и ее, а после повернул голову, задумавшись: «Почему же они еще не начали?» Когда же он снова развернулся, чтобы взглянуть на Хунцзюня, второе вишневое било исчезло.

– Есть еще? – снова спросил Хунцзюнь.

– Ты учишься у Чжао Цзылуна есть? – сказал Ли Цзинлун. – Проглатываешь все целиком?

– Но я доел...

– Больше ничего нет, – только и мог ответить мужчина. – Я не могу позволить тебе есть до насыщения, чтобы ты и дальше об этом думал.

Хунцзюню оставалось только принять все как есть, и он начал задаваться вопросом, сможет ли он съесть ту половину, что была у Мо Жигэня, однако он свою порцию уже почти доел.

- В мире много вкусов. Когда-нибудь я возьму тебя с собой попробовать их все.

Наверху, на втором и третьем этажах над головами экзорцистов слуги уже прошли и погасили фонари. В зале стало тускло, болтовня прекратилась. В темноте раздался тонкий звон и все кругом затихло. Вскоре после этого заиграла пипа, и эта музыка была подобна текущей воде. Вслед послышался звук, похожий на белый снег, бегущий с грохотом с горы лавиной, превращающийся в миллионы капель воды, обрушившихся дождем на публику.

Когда все снова замолкло, заиграло еще несколько пип, они плавно сливались с ведущей, словно сотни птиц следовали за фениксом, продолжая звучать. Музыка окутала весь зал и эхом разнеслась поверху!

Увидев, как десять талантливых пальцев перебирают струны, все разразилось радостными криками и начали аплодировать. Хунцзюнь уже давно забыл, что хотел сказать, он быстро повернулся и заглянул в центр зала, глаза юноши наполнились радостью: музыка действительно была прекрасна!

Раздалась птичья⁵ трель. Это был исполнитель коуцзи⁶. Вскоре после этого за ширмами зажегся свет: девушки, ожидающие за ними, подняли вверх глазурированные чаши. В каждой чаше горел свет, разноцветные огоньки выходили из-за ширм и быстро двигались к центру зала.

⁵ Тут буквально «иволги», отсылает к названию заведения.

⁶ Коуцзи (кит. 口技) – понятие очень широкое и подразумевает под собой исполнительское искусство, основанное на подражании всевозможным звукам, буквально – «искусство рта».

На втором и третьем этажах танцовщицы показались одна за другой. Одинаково красивые с единым танцем иволги они держали в руках фонари, их талии опоясывал атлас, они спускались с тихим шорохом.

- Ва-а-а!

Впервые Хунцзюнь видел нечто подобное.

- Иволга весеннего рассвета, как и название, – объяснил Ли Цзинлун.

Богато украшенные глазурированные чаши мерцали, словно весеннее солнце, танцовщицы же кружились перед длинной зоной для зрителей, с нежными улыбками на лицах.

Некоторые уже видели этот танец ранее, но все равно не могли удержаться от аплодисментов.

– Так красиво! – воскликнул Хунцзюнь.

Как будто птицы встречали весну, жизнь зарождалась в этом изобилии, девушки с чашами собрались сначала в центре, а после разошлись, открывая ширму, которая больше походила на фонарь⁷. За ней показалась тень изящного человека, в руках у него была пипа. Искусный музыкант, исполнявший музыку ранее.

⁷ Фонарь (кит. 灯笼) – досл. фонарь скачущих лошадей. Фонарь со свечой и маленькой каруселью внутри, которая вращается от движения разогретого воздуха.

Снова раздались звуки пипы, женщина мягко приоткрыла губы и начала петь: «Под утренним дождем и легкой пылью города Вэй гостиница была столь же зеленой, как и зеленые ивы...»

Хунцзюнь тут же восторженно вскрикнул.

Эта пьеса называлась «Три припева перевала Ян»⁸, и это музыкальное произведение в последнее время пользовалось большой популярностью в Чанъане. Несмотря на то, что оно множество раз исполнялось, прекрасная весенняя сцена, где тени исчезали под светом, придавала ему совершенно иное звучание.

⁸ Можно прослушать по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=TpJa5XgWmuQ>

Сан-эр чуть поклонилась и отошла за новой порцией вина. Хунцзюнь почувствовал себя навеселе, прислонился к плечу Ли Цзинлуна, ошеломленно наблюдая за женщиной с пипой, что продолжала напевать: «Я прошу этого господина выпить еще вина...»

Одна рука Ли Цзинлуна лежала на столе и мягко постукивала по руке Хунцзюня, вдвоем Ли Цзинлун и Хунцзюнь пели себе под нос: «... идем на восток перевала Ян... там нет врагов...»

Сцена, на которой сидела женщина с пипой, сдвинулась ближе к месту Ли Цзинлуна и Хунцзюня совместными усилиями девушек, когда же песня закончилась, музыкантка смешала ее с другой. Нежным голосом она пела: «Травы на севере зелены, как нефрит, шелковица опускает свои зеленые ветви...»

– Это же Ли Бо! Ли Бо! – пришел в восторг Хунцзюнь, услышав стихотворение своего кумира.

Ли Цзинлун, не сдержав улыбки, положил руку на плечо юноши. Исполнительницу подтолкнули еще, пока она не оказалась прямо напротив них, она заглянула в глаза Хунцзюня и запела: «Когда вспоминаешь дни прошедшие, мое сердце разбивается...»

Хунцзюнь тоже начал улыбаться. Хорошо было и глазам, и сердцу!

Ли Цзинлун, взглянув на улыбку девушки, снова стал непроницаемым.

«Я не знаю весеннего ветра, что тревожит занавески у моей постели⁹...», – спев эту строку, исполнительница опустила голову, в ее взгляде мелькнула печаль. Сладкий голос вместе с платформой начал отдаляться.

⁹ Это все из стихотворения Ли Бо «Весенние думы» (кит. 春思).

Перевод: https://vk.com/wall-117396410?offset=180&w=wall-117396410_110%2Fall

Тут все в зале громко зааплодировали. Когда слушатели собирались бросить деньги певиче, та улыбнулась. Над головами вспыхнул огонь, Хунцзюнь так поразился, что подпрыгнул и посмотрел вверх – работники Иволги зажигали огромный вращающийся фонарь, что свисал с третьего этажа.

Как только фонарь зажгли, всю главную залу осветило, на ширмах появились поющие птицы, сложился контраст с тусклой сценой до этого. Когда фонарь вращался, казалось, что вокруг него летают бесчисленные птицы.

Когда Хунцзюнь опустил голову, он заметил, что певича уже скрылась за поворотной платформой, которая, вращаясь, открывала худого и высокого мужчину средних лет с пипой в руке.

Танцовщицы тоже удалились, ярко освещенная зала стала сценой для него. Этот мужчина, казалось, совершенно не горел желанием выставлять напоказ свои музыкальные способности, он одной рукой провел по струнам пипы, прозвучали плавные ноты, и мужчина запел.

Красные цветы растут в южной стране, сколько же их прорастет весной? Надеюсь, ты сорвешь их много, это символ нашей взаимной тоски¹⁰...

¹⁰ Ван Вэй, «Любовное томление» или «Красные бобы».

Перевод: https://vk.com/wall-185927376_4

В одно мгновение Хунцзюнь был очарован. Певческий голос этого человека полностью отличался от голоса А-Тая: А-Тай пел чисто и прозрачно, а этот тяжело и хрипло. Однако, когда этот мужчина пел, он походил на А-Тая тем, что голос его проникал в самое сердце, заставлял мурашки бегать по телу.

– Ли Гуйнянь¹¹!?

¹¹ Ли Гуйнянь (кит. 李龟年) – историческая личность, музыкант эпохи Тан.

Гости «Иволги» находились в смятении. Некоторые выкрикивали имя этого музыканта, но другие быстро замолкли.

За ширмой неожиданно раздался звон опрокинутой тарелки.

– Он так хорошо поет! Кто он такой? – спросил Хунцзюнь Ли Цзинлуна.

– Ли Гуйнянь, – быстро ответил Ли Цзинлун, с улыбкой наблюдая за музыкантом.

Мужчиной на сцене был известнейший столичный музыкант по имени Ли Гуйнянь.

– Вы знакомы? – воскликнул Хунцзюнь.

– Хм, – Ли Цзинлун облокотился на ширму, обнял Хунцзюня одной рукой, заставив наклониться поближе, и лениво сказал: – Обычно этот человек приходит в «Иволгу весеннего рассвета» не для выступления, однако сегодня он пришел, чтобы показаться мне.

Именно сейчас Хунцзюнь наконец-то понял: Ли Гуйняня пригласил сам Ли Цзинлун!

Ли Гуйнянь снова провел по струнам, но на этот раз он начал с других строк: «Весной река поднимается так высоко, как море, яркая луна над ним, кажется, родилась из прилива... После того, как тысячи ли проследили за рябью света на волнах, где может существовать весенняя река без света луны¹²?»

¹² «Лунная ночь среди цветов на весенней реке», Чжан Жосюй, поэт эпохи Тан.
Перевод: <https://stihi.ru/2022/01/19/2450>

Вращающийся сценический фонарь снова потускнел. Группа девушек столпилась и выстроилась в очередь позади Ли Гуйняня, каждая держала пипу в руке, аккомпанируя ему. Глубокий голос мужчины слился с гармонией хора пип, будто прилив, мягко подхватил их. Круг ярких фонарей и луна освещали весеннюю ночь на тысячи ли.

Хунцзюнь с полным восторгом слушал до «луна тихо скрылась в морском тумане, а дороги между «Цзеши и Сяосян»¹³ безграничны». Затем Ли Гуйнянь затих, чтобы перевести дух, а после продолжил: «Кто знает, сколько людей вернется под лунным светом, заходящая луна рассеивает тоску по деревьям у реки»¹⁴. Пипа медленно затихла, а сердце Хунцзюня будто следовали за приливом и отливом, медленно после вернулось на место. В большой зале постепенно погас свет.

¹³ Цзеши и Сяосян (кит. 泽西 и 潇潇) – гора в пров. Хэбэй и река в пров. Хунань, соответственно.

¹⁴ Все та же «Лунная ночь».

- Можно ли пригласить его поиграть еще?

- Ли Гуйнянь не продает свое тело, - ответил Ли Цзинлун чуть подвыпившим голосом. Он не знал, смеяться ему или плакать.

- Я просто хочу, чтобы он научил меня музыке! - взволнованно сказал юноша. - Он очень хорошо поет!

- А про меня ты совсем позабыл? - скорбно спросил А-Тай через ширму.

- Я очень хочу, чтобы вы когда-нибудь выступили на одной сцене, - улыбнулся Хунцзюнь. - Уверен, весь Чанъань будет веками говорить об этом.

- Мне не сравниться с Ли Гуйнянем, - ответил А-Тай.

- Адъютант, вы знакомы с Ли Гуйнянем? - поинтересовался Цю Юнсы. - Я не слышал, чтобы вы хоть раз упоминали его.

- Пару лет назад, когда он еще не прославился, я часто поддерживал его деньгами, вот и все, - объяснил Ли Цзинлун. - Теперь, когда он стал известным музыкантом высоких кругов, я больше не могу себе его позволить. Однако все, что мне нужно сделать, - показаться лично и уговорить сыграть несколько композиций.

В зале снова посветлело, на этот раз заиграл хор музыкальных инструментов. Девушки в зале начали танцевать, взмахивая руками, одежда красиво следовала за движениями. Теперь, когда Ли Гуйнянь показал свое мастерство, остальные выступления стали казаться совсем обычными. Хунцзюнь все продолжал вспоминать «Лунную ночь среди цветов на весенней реке», исполненную Ли Гуйнянем. Юноша чувствовал себя так, будто этот мужчина своим пением забрал его сердце.

Когда послышался второй удар барабанов, развлечения наконец подошли к своему завершению, в Чанъане настал привычный комендантский час. Гости не могли устоять перед крепостью напитков, они обнимали кого-то, пока их вели на второй и третий этажи спать. Это ночью Хунцзюнь пил вино, словно воду, поэтому он был столь пьян, что развалился на столе. Ли Цзинлун легко тряхнул его, говоря:

- Эй, пойдем?

Цю Юнсы подошел, и Ли Цзинлун сказал, что тот волен идти, куда ему хочется. Мо Жигэнь повернулся взглянуть на осеннюю луну. Ли Цзинлун думал отнести Хунцзюня домой, но снаружи было холодно, поэтому ему пришлось окружить их несколькими складными ширмами и обойтись пока этим на ночь. От Хунцзюня несло алкоголем, он поднял глаза и посмотрел на Ли Цзинлуна:

- Адъютант...

Ли Цзинлун тоже сморило вино, он спросил:

- Хочешь воды?

- Вы... верните Лампу, – улыбнулся юноша. – Я хочу домой.

Мужчина сомкнул губы не в силах ничего произнести.

Затем Хунцзюнь повернулся на другой бок и заснул.

Ли Цзинлун был бессилен, он не мог ничего сделать, поэтому он лишь закутался в свою мантию и лег рядом с Хунцзюнем и уснул. Оба они спали плечом к плечу.

Небо уже начало светлеть, Мо Жигэнь куда-то ушел, Ли Цзинлун похлопал Хунцзюня по плечу. Алкоголь немного выветрился, и мужчина попросил юношу вернуться с ним.

Когда они вдвоем пересекали на лошадях мост «Девяти поворотов», Ли Цзинлун немного сбавил скорость, и, заметив, что Хунцзюнь не протестует, спросил:

- Не хочешь немного пройти пешком?

Осеннее утро затянуло густым туманом, Хунцзюнь только протрезвел, поэтому, когда он почувствовал холодный ветер, его начало просто тошнить. Он спустился к подножию моста. Когда юноша повернулся голову, Ли Цзинлун протянул ему бамбуковый сосуд с водой, чтобы прополоскать рот. После Хунцзюнь, спотыкаясь, вернулся на мост. Добравшись до клена, Хунцзюнь вспомнил дом.

Вчерашней ночью сцена с сотнями улетающих птиц и пением иволг в унисон напомнила ему о том мазке золотых облаков вокруг дворца Яоцзинь, и Хунцзюня одолела печаль.

- Ты не можешь вернуться домой, потому что я разбил твою Лампу сердца? – наморщил лоб Ли Цзинлун, взглянув на юношу.

Ли Цзинлун попросил его подождать под деревом, пока откроются лавки, чтобы они смогли позавтракать перед возвращением. Как и ранее, вино еще дурманило юношу.

- Я покажу вам свой дом. В дальних горах... так много птиц.

- И когда же мы отправляемся? – начал улыбаться Ли Цзинлун.

- Ммм, может, завтра утром... - ответил Хунцзюнь.

Хунцзюнь всем телом навалился на Ли Цзинлуна, и он не возражал: не хотелось снова отталкивать его. Под мостом «Девяти поворотов» танцевали кленовые листья, Хунцзюнь прижался к Ли Цзинлуну, потерся лицом о его грудь, и ему стало так уютно. В детстве он так же разваливался на дереве, чтобы вздремнуть после обеда, тогда дул ветер, шуршали и терлись друг об друга листья, наполняя воздух изяществом и свободой.

- Эй, - у Ли Цзинлуна разболелась голова. - Не засыпай, давай вернемся, а там уже поспим... вставай.

Хунцзюнь не ответил. Ли Цзинлун наклонил голову, его дыхание участилось, и он тоже задремал под деревом.

Повозка, запряженная лошадьми, проехала по мосту, тихо стуча колесами. В этом тумане госпожа Гого, сидевшая в повозке, отодвинула занавеску и посмотрела вниз, на нижнюю часть моста.

Под небом, усыпанным кленовыми листьями, Ли Цзинлун прислонился к дереву, а Хунцзюнь растянулся на нем, словно пес.

- Госпожа, - тихо произнес мужчина в плаще.

- Кто он вообще такой? - спросила госпожа Гого глубоким голосом.

- Сюаньинь специально провел расследование, но не смог выяснить его происхождение, - покачал головой мужчина.

Взгляд госпожи Гого вернулся от моста, упал на мужчину. Тот снял плащ, обнажив по-особенному уродливое и свирепое лицо, мышцы на его лице были узловатыми и худыми, а глаза под бровями злобно блестели. Тонкая полоска его рта обнажала четыре острых зуба, под шеей виднелось клеймо. Оно содержало метку Яцзы¹⁵, одного из девяти сыновей дракона.

¹⁵ Яцзы (кит. 蚩尤) - миф. седьмой из сыновей дракона, жаждущий убийства. Он напоминает шакала, жаждущего крови. Изображение Яцзы с яростным взглядом можно увидеть на рукоятке китайской сабли, меча. Он олицетворяет борьбу со злом.

- Иди сообщи Бася и Суаньни¹⁶, - мрачно приказала Гого. - Когда придет время, каждый из них будет действовать независимо друг от друга. Позаботься о том, чтобы Ли Цзинлун выжил, чтобы мы могли содрать с него кожу и повесить ее на ворота Чанъяня.

¹⁶ Бася (или Биси) и Суаньни (кит. 巴蛇 и 夔蛇) - первый и восьмой сыновья дракона, соответственно. Биси («Каменная черепаха») все время держит на своей спине стеллу. Упорно

трудящегося, терпеливо сносящего упреки Биси можно увидеть везде - в храмах, в древних родовых поместьях, дворцах. Говорят, что прикосновение к нему приносит благополучие и счастье. Суаньни изображается в виде льва. Его изображение можно увидеть на крышках курильниц, на сидении Будды в буддийских храмах и алтарях.

- Мы можем начать сегодняшней ночью, - ответил Яцзы. - Неважно, насколько подготовленными себя считают экзорцисты, их всего пятеро, им не победить нас с Сюаньинь.

- Нам стоит действовать осторожно, - произнесла госпожа Гого. - Судьбе Великой Тан еще не суждено завершиться, мы до последнего момента не должны вступать в бой, чтобы не навлечь на себя гнев судьбы.

Яцзы мог только поклониться согласиться, он вышел из повозки, когда мост «Девяти поворотов» оказался позади. Повозка направлялась во дворец.

<http://erolate.com/book/3616/89520>